

#останься дома и стреляй!

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

#останься дома и стреляй!

Анна и Сергей Литвиновы

Знаменитый тандем Российского детектива Спецкор отдела расследований #13

Журналист Дима Полуянов и его подруга, библиотекарь Надя Митрофанова, как и весь мир, оказываются в изоляции из-за эпидемии. Правда, Дима продолжает работать – он отправляется брать интервью у известного актера Александра Бардина. Попутно Дима знакомится с его женой Касей – миниатюрной стройной красавицей, увлекающейся теннисом. А через несколько дней Дима узнает, что Кася попала в ужасную беду! Не раздумывая, он бросается ей на помощь, даже не отдавая себе отчета, что им движет не только желание восстановить справедливость, но и чисто мужской интерес...

Анна и Сергей Литвиновы

#останься дома и стреляй!

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Стоило жене уехать, падчерица совсем обнаглела. Являлась под утро, хамила, курила прямо в квартире. Еды в доме никакой, зато в холодильнике искушает запотелая бутылка водки. Хотя он уже месяц в завязке.

И Юрий не удержался.

Только одну рюмашку. Единственную. И все.

Налил. Махнул.

Пролетела соколом, ожгла нутро, распрямила плечи.

Сразу налил вторую.

Закуски вообще ноль, только сыр плесневелый. Он заорал:

– Юлька, похавать приготовь!

Заглянула в кухню, увидела водку, ухмыльнулась:

– Может, еще подать тебе, алкаш? На серебряном подносе?

– Хоть покурить дай!

Она улыбнулась презрительно:

– Ты ж бросил.

Но пачку сигарет швырнула.

Вся такая модная – морда раскрашенная, в волосах синяя прядь. Ох, мало он ее бил!

– А ну, пошла сюда! – приказал он.

Хотел врезать – в кровь, от души. Но две рюмахи подряд после месяца воздержания шибанули в голову крепко. Еле на ногах удержался. А Юлька – цок-цок на каблучинах – и сбежала.

И тут телефон. Голос в трубке женский, строгий:

– Юрий Семенович Лоскутов?

– Он самый.

– Из поликлиники звонят. Общий анализ крови сдавали вчера?

– Ну да. Для санкнижки.

– Нехорошо там у вас. Лейкоцитоз сильный. СОЭ в пять раз превышена. Гемоглобин меньше восьмидесяти.

– И чего это значит?

– Не понимаете?

– Я че, доктор?

– Все симптомы на рак указывают. Третья стадия минимум. Скорей всего, с метастазами. Срочно зайдите за направлением – и езжайте в онкоцентр. Может, чем-то смогут облегчить. Но особо не обнадежу. Слишком поздно вы спохватились.

Руки затряслись, но еще одну стопку водки накапать смог. Выпил залпом, пролепетал:

– Но у меня же ничего не болит!

– Суставы на дождь крутит? Поясницу ломит? Головные боли бывают?

– Так это у всех.

Дальним краешком сознания он улавливал странность. Как можно серьезный диагноз по одному анализу ставить?

Но в голове уже шумело, а когда закурил – с отвычки «повело» окончательно.

Телефон снова тренькнул: от жены эсэмэска. Даже читать не собирался – не до ее глупостей сейчас. Но все ж открыл:

Юрий, я от тебя ушла. Документы на развод подала. Но вряд ли ты успеешь со мной посудиться. Я долго терпела, но ты зря надеялся, что я прощу тебе свою загубленную жизнь. Лучшие гадалки страны наводили на тебя порчу, и свое дело сделали. Твое тело теперь гниет изнутри. Желаю поскорей сдохнуть в муках.

Перед глазами сначала все поплыло, потом заплясали цветные огни. Запоздало подумал: зря развязал. Но остановиться уже не мог. Как возьмешь себя в руки, когда столько дряни вывалилось в один день?!

Налил снова водки, половину расплескал. В голове шумело все круче. В руке продолжала дымиться сигарета. Сердце барабанило быстрее – рысь, галоп, – рвалось из груди прочь.

Мужчина сполз по стене. Цветные всполохи перед глазами сменились тьмой. Сигарета выпала из пальцев.

Будь трезвый, удивился бы, почему паркет вспыхнул настолько быстро. И успел бы увидеть, как падчерица вбегает в комнату, поднимает его телефон, швыряет в свой карман. Наглухо закрывает окно и снова исчезает.

Но сознание уже покинуло Юрия Семеновича.

А в криминальную хронику его смерть даже не попала – сошла за обычный «пьяный» несчастный случай.

Апрель 2020 года

Надя проснулась от истошного визга. Кричала женщина. Часы показывали четыре утра. Дима мирно спал.

Вопли внезапно стихли, ночь снова стала спокойной – лишь шелестели юными листочками за окном липы с березами. Она уже решила: «Приснилось». И вдруг услышала новый истерический выкрик, потом что-то рухнуло, и последовали отчаянные рыдания.

Шум доносился от соседей слева. Надя их почти не знала, но с виду жильцы вполне соответствовали интеллигентному контингенту дома. Молодая пара. Юноша носил рваные джинсы, собирал волосы в хвост и часто приходил под утро. Его подруга обладала безупречной фигурой и (к изрядному раздражению Митрофановой) вела навязчиво-здоровый образ жизни – то бежит в идеальном, по фигурке, спортивном костюме, то на велике рассекает, то на роликах. Никаких скандалов за парой раньше не замечалось – а несколько шумных вечеринок Надя с Димой за хулиганство не сочли. Слава богу, сами пока не в том возрасте, чтобы осуждать молодежь.

С конца марта – когда законопослушная часть Москвы засела на карантин – сосед с хвостиком во дворе не показывался. За продуктами ходила исключительно его спутница и бегать продолжала, несмотря на официальный запрет. Иногда в их квартире довольно громко работал телевизор, пару раз вроде бы выясняли отношения на повышенных тонах.

Но чтобы побоище, с воплями, да еще посреди ночи!

Надя выскользнула из постели и приложила ухо к стене. Дом кирпичный, звукоизоляция неплохая, но Митрофанова смогла разобрать, как девушка умоляет:

– Не бей меня! Пожалуйста!

А в ответ – грохот, вскрик, дальше жалобный плач. И опять – лишь шепот молодой листвы да шум редких машин.

Вызвать полицию? Или не лезть в чужие семейные дела?

Пока Надя размышляла, Дима заворочался и сонным голосом спросил:

– Ты чего бродишь?

– У соседей скандал.

– Не слышу, – пробормотал Дима, но на постели сел.

Стену потряс новый удар. Раздался дикий, какой-то животный визг и неразборчивые, яростные мужские выкрики.

Полуянов схватил футболку, натянул спортивные брюки.

– Пойду посмотрю.

– Давай лучше полицию, – предложила Надя.

Дима презрительно дернул плечом.

Надя поспешно накинула халатик. Надевать маски не стали. Вышли из квартиры. Дима уверенной рукой нажал на соседский звонок, потом толкнул дверь: заперто. Потрезвонил снова и начал стучать.

– Дима, осторожнее, – нервно произнесла Митрофанова. – Вдруг у него оружие?

Ответить Полуянов не успел – дверь распахнулась.

Девушка в ужасе попятилась. Лицо, одежда, руки у интеллигентного соседа оказались перепачканы кровью, длинные волосы растрепались по плечам, рот скривился в безумной гримасе. Но держался уверенно. Хмуро спросил:

– Что надо?

Отвечать Дима не стал. Легонько двинул худощавого парня в солнечное сплетение – тот сразу охнул, скрючился пополам. Полуянов, а за ним и Надя прошли в квартиру, и библиотечарша в ужасе прикрыла ладошкой рот. У стены,

смежной с их квартирой, неподвижно лежала когда-то красавица и спортсменка. Лицо ее обратилось в жуткую сине-красную припухлую массу, губы словно выворочены наизнанку, нос сдвинут на бок.

Надя бросилась к девушке, схватилась за пульс. А Полуянов – вернулся в прихожую и схватил соседа за грудки:

– Ты что наделал?

А тот почти беспечно ответил:

– Заслужила. Да нормально. Бабы – они как кошки. Заживет.

Сердце у девушки билось, из разбитых губ текла кровь, несколько зубов превратились в крошево, и Митрофанову затошнило.

– «Скорую», – велел Дима. – И полицию.

Он развернул соседа лицом к стене, заломил ему руки. Тот запищал:

– Ты че? Чего лезешь? Дело наше! Семейное!

Бедняга очнулась, с трудом приоткрыла набухшие, обратившиеся в щелочки глаза и сразу забормотала:

– Не надо... полицию. Я сама виновата!

За окном все увереннее разгоралось весеннее утро.

Дворник в маске скреб по асфальту метлой. В квартире работал телевизор, диктор зловещим голосом сообщал про очередной нарастающий итог заболевших. Избитая соседка осторожно коснулась своего явно сломанного носа и застонала.

А Митрофанова в отчаянии подумала: «Мир сошел с ума. Весь. И мы вместе с ним».

* * *

Когда в стране объявили карантин, у Нади с Димой тоже возникли разногласия. Историко-архивная библиотека с восемнадцатого марта закрылась, Митрофанову отправили в отпуск. Полуянову разрешили работать на удаленке. Надя страшно радовалась, что больше не надо вставать по будильнику, и рьяно совершенствовала свои кулинарные таланты. Но Дима смог безвылазно высидеть в квартире только восемь дней.

Конечно, как и все нормальные люди, он слегка опасался новой болезни, но по-дамски прятаться от нее в гнездышке не желал. Да и хороший материал в дистанционном режиме не напишешь. Плюс когда еще доведется своими глазами увидеть оживший в реальности фантастический фильм. Полицейские в масках, пустые магистрали, печальные объявления на дверях магазинов: «Я не работаю и вам не советую». Надо не из окна и уж тем более не по телевизору за происходящим следить, а в самой гуще вариться, своими глазами наблюдать, как творится история.

Тем более жизнь с наступлением карантина не закончилась – наоборот, беспредела еще больше стало. Его личный электронный ящик готов был взорваться. Читатели возмущались, требовали и умоляли. Темы, правда, предлагали неудобные, не в тренде. Когда Дима их на летучке озвучивал, главнюга вечно кривился – настаивал на материалах про героизм врачей и заботливого мэра. Однако Полуянов умело уклонялся от верноподданнической журналистики и старался держать марку.

С виду обычную криминальную хронику писал, но умудрялся – на примере отдельно взятой трагедии – вскрывать целый пласт проблем.

Особенный резонанс вызвала печальная история москвича с обширным инфарктом. Мужчине стало плохо, он вызвал «Скорую» и услышал от диспетчера, что «все машины на ковиде». В итоге врачи приехали через три часа, но их помощь уже не понадобилась – пациент скончался. И подобных трагедий в городе ежедневно происходило десятки. Сегодняшняя драма в соседней квартире тоже могла стать зачином для серьезного, проблемного очерка. Про еще одну беду, что принес в наши жизни ковид.

Когда приехала полиция, избитая соседка клялась – и видно было, что не врет:

– Он в жизни меня пальцем не трогал! Это его изоляция довела!

Полицейские совсем не удивились.

Статистика тоже утверждала: во Франции за время пандемии домашнее насилие возросло на тридцать процентов, а в Китае – вообще увеличилось втрое. Да, тема просто просилась в руки.

Обычно журналистские замыслы Дима держал при себе, но соседку-то вместе с Надей спасали.

И летучка, ввиду карантина, только в час дня – было время спокойно позавтракать и «обкатать» тему на Митрофановой.

Пока Надя жарила яичницу, Полуянов успел побродить в Интернете и теперь возмущался:

– Надюха, ты только подумай! Больше половины женщин хотя бы раз получали от своих мужчин! Каждую шестую – бьют регулярно, это же вообще неописуемо! А четыре из пяти подвергаются психологическому насилию!

– Ну да, – спокойно отозвалась она. – Я тоже.

– Чего-чего? – Полуянов разинул рот.

– Ты разрушаешь мою самооценку и унижаешь меня как личность, – отбарабанила Надя. – Думаешь, приятно слышать эти твои вечные «Пончик», «Булочка», «Полотно Рубенса»?

– Но это ж я любя! И чтоб тебя на зарядку подвигнуть.

– Сам прекрасно знаешь, что не помогает зарядка. Хоть по тысяче раз отжимайся – шпалой не стану. У меня конституция такая.

– Не замечал прежде, что ты сердишься, когда я говорю «Моя пироженка». – Дима лукаво улыбнулся.

– На самом деле я испытываю глубокие моральные страдания, – упорствовала Надя. – И эмоциональную дестабилизацию.

– Слушай, Митрофанова. – Дима взглянул на нее подозрительно. – Где ты всех этих слов набралась?

– Тест прошла. На сайте правозащитной организации «Подруги».

– Зачем тебя туда понесло?

– От скуки. Бродила в сети, увидела баннер «Проверь: есть ли в ваших отношениях психологическое насилие?» Ну, мне и стало интересно.

– И какой вердикт?

– Нужно срочно действовать. Больше узнать о насилии, научиться отстаивать свои границы и обязательно прийти на консультацию. Возможно, будет безопаснее остаться у них в убежище.

– Ты это серьезно?

Надя встала, подошла, обняла его:

– Абсолютно. Могу показать результаты теста. Правозащитные организации любят сгущать краски. Чем страшнее – тем больше западные спонсоры денег дадут. Хотя я просто честно отвечала на вопросы. Я действительно обижаюсь на «Пончика» и злюсь, когда ты трубку не берешь. Но это, оказывается, тоже насилие. Психологическое.

– Слушай, не сравнивай! Наш сосед реально девушку инвалидом сделал!

Надя погрузилась:

– Но она-то не в обиде! Слышал, как его защищала? У любимого, мол, на почве вируса сдвиг случился. Из дома вообще не выходил, все дезинфицировал. Работы нет, денег нет. По телевизору запугивают. Вот и не выдержали нервы.

– То есть ты тоже его оправдываешь?

– Нет, конечно. Но я... я могу его понять.

– Ты это серьезно? А если у нас станет совсем плохо с деньгами, ты позволишь, чтобы я за это бил – тебя?!

– Димочка, я же знаю, что ты меня не тронешь. Но в России к теме насилия как-то странно относятся. С одной стороны: бьет – значит, любит. А с другой – вспомни Регину Тодоренко. Девушка просто высказала свое мнение, что женщины сами виноваты, потому что неправильных мужчин себе выбирают – и, в общем, тут есть рациональное зерно. Но на нее вся страна ополчилась.

– А полицейские терпеть не могут на вызовы жен ездить. Тратят время, собирают материалы, проводят экспертизы, а им через неделю: «Мы примирились». И вся работа насмарку, – подхватил Дима.

– Вот-вот, – кивнула Надя. – Наша соседка заявлять на мужа тоже отказалась, если ты помнишь. Упала – и все тут. Думаешь, ей понравится, если про нее «Молодежные вести» напишут?

Она положила подбородок на ладонь и предложила:

– Давай еще яишенки тебе подложу! И соку выдавлю.

– Вот любишь ты, Митрофанова, крылья подрезать, – заворчал Полуянов. – Я только загорелся, а ты меня расхолаживаешь своим домашним уютом.

Но добавку яичницы взял и сок с удовольствием выпил. А после завтрака от души поблаженствовал в жарких объятиях своей «пышечки».

Когда нежились-отдыхали в постели, Надя вспомнила:

– Ой, вчера же из поликлиники звонили. Предлагают прививку от пневмококка сделать. Ты пойдешь?

– Конечно.

– Да ладно! Практически ковид-диссидент добровольно пойдет на прививку?

– Ну, ковида, может, и нет. Но как сын врача и сам практически врач могу тебе сообщить: пневмококк еще Пастер открыл. В 1881 году. Очень вредная штука. Провоцирует пневмонию, сепсис и менингит, так что обязательно надо привиться. Особенно в нынешнее время.

– А я не пойду.

– Почему? – удивился Дима.

– Да потому что. Не хочу подопытным кроликом быть. Скажут: от пневмококка, а на самом деле привьют неизвестно что.

Он расхохотался:

– Веришь, что тебе чип вживят?

– В чип не верю. Но вдруг на самом деле это антиковидная вакцина? Какие-то нелегальные испытания?

– Ну, ты фантазерка!

– А ты, что ли, «Медуницу» не читал? В психиатрических больницах уже месяц пациентам вкалывают непонятно что. А теперь, похоже, и за нормальных людей взялись.

Полуянов заинтересовался:

– В самой «Медунице» такое пишут? А кто автор?

– Лиза Горихвост.

– Не знаю такую.

– Потому что раньше она только для западных изданий писала. Была их собкором в Москве. Очень известная, куча премий. А сейчас для «Медуницы» сделала материал.

Дима заинтересовался и прямо в костюме Адама сел за компьютер.

Текст действительно оказался лихой. И фактура богатая – автор упоминала целых семь психиатрических клиник, куда приезжали некие бригады из «депздрава» и без всяких информированных согласий ставили пациентам неведомые прививки. Местные доктора (на условиях анонимности) высказывали предположение: так как с дееспособными добровольцами напряженка, государство приняло решение тестировать антиковидную вакцину на беспомощных и бесправных пациентах.

На первый взгляд нарушение прав человека вопиющее. Только есть ли у Лизы Горихвост конкретные доказательства?

– Любопытно, – оценил Дима и заверил: – Но в московских поликлиниках на подобное точно не пойдут, так что не бойся. Попроси показать ампулу и делай прививку. Меня тоже запиши.

– Ну... если ты гарантируешь.

– Гарантирую.

Дима сходил в душ, с удовольствием принял из Надиных рук второй завтрак. Позже ехал в практически пустом вагоне метро на планерку и думал: «В карантине все же имеются определенные прелести».

* * *

Газеты теряли популярность с каждым годом, поэтому «Молодежные вести» – как все, кто хочет выжить, – постоянно придумывали новые формы существования. Активно функционировал сайт, завели свое радио, а незадолго перед началом пандемии и собственное телевидение запустили.

Полуянов – на правах редакционной звезды – конечно, захотел попробовать себя «в телевизоре». Пару раз сделал крошечные репортажи и сразу понял: работа не просто сложная, но совсем другая, с газетной журналистикой не сравнить. Нужно быть настоящим «многостаночником» – и сценарий писать, и планы выбирать, и монтировать, и в кадре нормально смотреться. Поэтому он решил: прежде чем лезть на голубой экран, нужно многому научиться.

Но сегодня на летучке главнюга объявил:

– Сегодня к артисту поедешь. Бардин фамилия. Знаешь такого?

Бардина Дима знал. Харизматичный «мент» в кожаной куртке. Надя, кажется, по нему слегка сохла и даже входила в его фан-клуб.

– И про что мне с ним говорить?

– Его читатели выбрали. Для рубрики «В изоляции со звездой».

Полуянов опешил:

– Куда мне! Это ж целая передача. Там хронометраж больше сорока минут! Куча планов разных, монтаж. Я еще не готов!

– Ничего, – отмахнулся главнюга, – коллеги помогут. Давай, через час выдвигайся. Бардин ждет к четырем.

Можно было отказаться, но рубрика «В изоляции со звездой» шла утром, имела приличный рейтинг. Удастся сделать интересно – можно новый пласт карьеры начинать. Да и любопытно стало: каков брутальный с виду красавчик в быту? Сумеет хоть пару слов связать?

В общем, согласился и кинулся готовиться – собирать хотя бы минимальную информацию про Бардина.

Тон у программы должен быть неприкрыто благостный, но Дима по закоренелой журналистской привычке первым делом начал искать компромат.

В первом приближении ничего безобразного в биографии актера не обнаружил: в голубизне не замечен, женат единожды, пьяным за рулем не попадался, звездил в меру.

Проживал артист в собственном подмосковном доме. Направление средней престижности, десять соток, коттедж всего-то двести сорок метров. По беспробочным дорогам домчали с другого конца столицы за сорок минут. Поселок оказался с разномастными домиками, безо всякой охраны. Ладненький, но без излишеств домик актера соседствовал с ветхой, выцветшей от времени избушкой.

Швейцара или охранника не имелось – Александр вышел их встречать самолично. Волосы влажные, на ходу застегивает рубашку:

– Простите. Бегал. Время не рассчитал.

Юная гример Маша (страшно взбудораженная от личной встречи со звездой) Диме даже поздороваться не дала. Нахально оттерла его, вперила в Бардина восторженный взгляд и спросила с ласковой укоризной:

– Неужели вы нарушаете самоизоляцию?

Бардин бархатисто пророкотал:

– Готов заплатить штраф. Лично вам.

– Ой, давайте! – не растерялась та, извлекла из сумочки гляцевый журнал с фотографией артиста на обложке, прочирикала:

– Вот! Подпишите, пожалуйста. Для Марии. Если можно, с любовью.

Полуянов еле сдержался, чтобы не поморщиться.

Актер быстро черкнул автограф и больше внимания на гримершу не обращал, безошибочно вычислив, кто в съемочной группе главный. Он протянул руку Диме:

– Горд познакомиться. Статьи ваши про красный бриллиант в свое время очень впечатлили [1 - Подробнее читайте об этом в романе А. и С. Литвиновых «Отпуск на тот свет»]. С тех пор ваш верный поклонник.

– Читаете газеты? – Полуянов постарался не подать виду, что польщен.

– Сейчас, к сожалению, только онлайн, но еще год назад к почтовому ящику ходил, отсюда с километр. У нас в поселке по домам прессу не носят, так каждый день специально делал крюк – супруга не даст соврать. Но что мы на пороге? Пойдемте.

Пол в коттедже блистал, однако предлагать гостям тапочки актер не стал. Маша-гример снова высунулась:

– У нас бахилки с собой, давайте наденем?

– Не надо. Не в поликлинике, – покачал головой Бардин.

Полуянов записал на его счет новое очко – умеет строить отношения, подлец-молодец.

Актер провел съемочную группу в большую кухню-гостиную и гостеприимно предложил:

– У меня в доме правило: первым делом всегда кофе. А дальше я в полном вашем распоряжении.

Стол уже был накрыт – в меру гламурный сервиз на восемь персон, серебряные ложечки, салфетки в тон скатерти. Вазочки щедро наполнены конфетами, печенюшками, орехами. Кофемашина приветливо подмигивала зеленым глазом. В чистоте и гостеприимстве кухни, несомненно, чувствовалась женская рука.

– А где ваша супруга? – поинтересовался Дима.

– Тоже режим нарушает, – заговорщицки улыбнулся актер. – У нас теннисный клуб под боком. Официально закрыт, но сегодня имеет место тайный междусобойчик – любительский турнир на шестнадцать участников. Кася моя

туда умчалась. Играет она неплохо, до полуфиналов обычно доходит, так что не знаю, когда вернется. Наверно, ближе к ужину.

Личико Маши-гримерши печально вытянулось. Девушка, несомненно, завидовала неведомой Касе.

– Впрочем, моя аудитория не слишком рада, когда я на публике вместе с женой, так что оно и к лучшему, – философски продолжил Бардин.

Съемочная группа испила кофе, вкусила сладостей и приступила к работе.

Актер оказался приятным в общении и не капризным собеседником. Легко принимал все Димины идеи (возможно, не самые оригинальные): поднимал штангу в тренажерном зале, перебирал диски в музыкальной комнате, покорно вытерпел целых три дубля подъема по лестнице на второй этаж. На вопросы отвечал быстро, без меканья. Надсадных призывов «Останьтесь, пожалуйста, дома» не произносил, да и вообще крамольных мыслей не чурался. Хвалил президента Белоруссии за то, что тот не поддался панике и не стал закрывать страну. Смело утверждал, что бессимптомное течение болезни – просто способ подкрутить статистику и засадить дома тех, кто неугоден. Не скрывал, что сам изоляцию нарушает, а маску носит, только чтоб не цеплялись.

Маша-гример (поначалу просто восторженная) к концу интервью просто глаз с Бардина не сводила. Полуянов тоже подобрел. Всегда приятно, если ожидаешь встретить выскочку и пижона, а попадаешь на нормального человека.

Интервью закончили писать, когда давно стемнело. Дима – хотя на привычном, «бумажном» поле мог работать сутками – чувствовал себя измученным.

Маша протянула ему влажную салфетку – стереть с лица тон. Бардин открыл пестрящий бутылками бар-холодильник и предложил:

– По рюмочке? Исключительно в целях дезинфекции?

Полуянов крайне редко позволял себе выпивать с героями, но сегодня он все равно без руля, да и напряжение от непривычной работы хотелось снять. Ну, а зануда Надюшка сказала бы: «Признайся уж честно: тебе просто хочется

выпить».

Впрочем, Дима искоса взглянул на Бардина и отметил: у того глаза тоже загорелись. И коньяк разливает – пожалуй, слишком нетерпеливо. Но иных тревожных признаков – когда пьянеют с первых пятидесяти граммов и немедленно наливают по второй – Полуянов за актером не заметил. Тот выпил свой бокал и сразу поставил его в посудомоечную машину. Как-то даже слишком быстро, невежливо получилось.

Оператор с осветителем уже свернули свою технику, гримерша с ассистенткой убежали во двор покурить, Дима сказал Бардину:

– Смонтирую завтра к вечеру, пришлю.

– Не надо, – отмахнулся актер. – У меня пиар-менеджер в деревне изолировалась, без Интернета, а самому смотреть лень. Так что давайте сразу в эфир.

Да, молодец мужик. Его-то по пути запугали: что актеры вечно кровь пьют, требуют снимать крупные планы только в полупрофиль и обязательно через фильтр, говорить не умеют – одно предложение приходится по пять раз перезаписывать.

Александр вместе с Димой вышел на крыльцо. Съёмочная группа топталась возле автобуса. Бардин – в одной футболке на прохладном апрельском ветру – к каждому подошел, поблагодарил, попрощался. Гримерша попросила вместе сфотографироваться – обнял и широко улыбнулся в объектив. Нажал кнопку пульта – ворота начали открываться. Полуянов пожал актеру руку и пошел было прочь, но погрузиться в редакционный автомобиль не успел.

Во двор въехала красная дамская машинка, оттуда выпорхнула худенькая милашка.

Дима всегда считал себя поклонником пышных форм, но точеная фигурка, подтянутая попка и талия, как у осы (при том, что грудь приличных размеров), пленили сразу.

Бардин без особых восторгов констатировал:

– Кася. Супруга.

Он шагнул навстречу стройняшке, дежурно приобнял, спросил:

– Ну, как сыграла?

– Да вообще позор, – отозвалась она нежненьким голоском. – Из группы не вышла, можешь себе представить?

– Но почему? – удивился актер.

Она досадливо коснулась щеки:

– Да из-за этого. Как на разминке голова разболелась, так и не пошло. Вообще не получалось ничего. Сетка, аут.

Только сейчас Полуянов увидел: на скуле у красавицы изрядный кровоподтек. Пусть замаскирован тональником, но припухлость и ссадина видны отчетливо. И губы тоже разбиты.

Бардин обернулся к журналисту, пояснил:

– Кася вчера на тренировке упала.

Она поспешно подхватила:

– Ага, как дурочка. Побежала к сетке отбивать укороченный и поскользнулась. Да как! Перелетела на другую сторону и грохнулась подбородком в корт! А покрытие-то жесткое.

Она протянула Полуянову теплую ладонь:

– Кася. Полное имя Кассандра. Родители решили соригинальничать. Рада познакомиться.

Глаза бездонные, голубые, и что-то в них несчастное, жалобное.

– Зачем же вы на турнир пошли с такой травмой? – Дима бережно пожал девушке руку.

– Да я думала, на ходовые качества не повлияет, – пожала плечами она. – Но Нинка, напарница моя, сказала, что может даже сотрясение мозга быть. Специально запугивала, наверно, чтобы обыграть. И обыграла ведь, лярва. Пойду, полежу и вставать сегодня не буду. К завтрашнему дню точно поправлюсь.

Она упорхнула в дом.

Бардин посмотрел ей вслед. Тревоги в его зоре Полуянов не увидел – скорее, легкое раздражение. У Димы мелькнула мысль: слишком суров актер со своей красавицей. Вот если бы ему такая фарфоровая красоточка досталась, на руках бы носил, холил, лелеял.

Плюс история с фингалом какая-то странная.

Дима, во?первых, давно работал журналистом. А во?вторых, тоже играл в теннис – уже много лет. К сетке частенько бегал – отбивать укороченные. Иногда, случалось, падал. Но сбивал при этом исключительно коленки. А Кася вдруг лицо поранила. Очень похоже на легенду. Получила от мужа и покрывает его теперь.

Пока ехали со съемок, Дима сидел молчаливый, думал над извирами судьбы.

Ночью – избитая соседка.

И сейчас – жена известного актера с разбитой скулой и распухшими, явно от удара, губами.

Похоже, все-таки не избежать ему темы семейного насилия.

«В изоляции со звездой», конечно, придется сделать благостным – строго по формату программы. Но происхождение фингала на лице жены известного

актера надо обязательно выяснить.

* * *

Монтажом на телевидении «Молодежных вестей» командовала дама – пожилая, желчная и безжалостная к халтурщикам. Сотрудники ее боялись и за спиной называли Горгоной. Но Полуянов, изучив биографию старухи, углядел в ней классного спеца и потому покорно сносил «остолопа» и прочие старорежимные ругательства в свой адрес. А она гоняла молодого тележурналиста со всем пылом одинокой метрессы, увидевшей в Диме достойного преемника.

Первую его трехминутную информашку монтировали вместе больше четырех часов и к исходу работы он еле сдерживался, чтобы не оттащить старуху за худосочные косицы. Что же сегодня будет – когда эфирного времени надо сорок минут, а отснято больше четырех часов?

Горгона, включив быстрый прогон, кое-где нажимала паузу и что-то черкала в блокноте.

Полуянов предложил:

– Давайте стрельнем забойно! С момента, где Бардин говорит: «Сто шестьдесят миллионов в стране, и все покорно в клетках сидят!»

Наставница фыркнула:

– А еще глупее не мог придумать?

– Но я не хочу обычный приторный завтрак со звездой!

Метресса на провокацию не поддавалась:

– Не волнуйся, я в СССР достаточно прожила, эзопов язык знаю. Что-нибудь вплетем, только не в лоб, а бережно.

В итоге, между рассуждениями о кино и горячими приветами поклонникам, протащили весьма резкие сентенции актера об электронных пропусках как средстве пополнения казны, а также беспросветной глупости решения мэрии о закрытии парков.

Когда закончили работу (а заняла она весь день), Горгона спросила:

– Бардин сюжет сам будет отсматривать или пиар-менеджеру своему поручит?

– Вообще не будет. Сказал, можно сразу в эфир.

– Угу, – саркастически кивнула метресса. – Они все так говорят, а потом бегут иск подавать: извратили, выдернули из контекста... Не пойдет. Звони ему немедленно.

Дима спорить не стал – профессионалу виднее. Набрал мобильный номер актера – длинные гудки. Позвонил по домашнему – результат тот же. Оставался телефон менеджера – той, что, по словам актера, коротала изоляцию в деревне. Девушка, сквозь свист и помехи, отозвалась, подтвердила: Александр телесюжеты о себе никогда заранее не смотрит. Горгона сурово громыхнула кулаком по столу, и Полуянов продолжил настаивать:

– Я все-таки хочу, чтобы он завизировал.

– Ну, отправьте ему на почту.

– Уже сделано, но Александр не отвечает, а эфир, скорее всего, уже завтра утром. Как бы мне его все-таки найти?

Девушка призналась:

– Да я сама Саше дозвониться не могу. У него жена сегодня в Питер собиралась. Может, он решил вместе с ней поехать. Спонтанно. А в поезде телефон не ловит.

– Часто он что-то спонтанное делает?

– Бывает. Что вы хотите, творческий человек. Второй месяц в простое, плюс ситуация с пандемией его очень нервирует. Запросто мог захотеть – съездить развеяться.

– Но я не могу выпускать материал в эфир, пока Александр не посмотрит.

– Не заморачивайтесь вы! – с фамиллярным раздражением буркнула девушка. – Если вас так корежит, можете мне прислать. Интернет дрянь, но к ночи, может, загрузится. Посмотрю и сразу вам напишу.

– Ну, хоть так, – буркнула Горгона и по-матерински улыбнулась: – Иди, сдавай свой шедевр. Завтра проснешься звездой.

Полуянов исполнил все необходимые формальности. Сюжет всем понравился, его поставили в сетку на следующее утро, в 10.15, и Дима, уставший, довольный и голодный, отправился домой.

Надя встретила объятиями. Зарылась носом в его волосы, принялась, пробормотала:

– Пахнет городом. Кофе. И еще духи какие-то бабские. Господи, как я тебе завидую!

В глазах – печаль узницы.

Дима взялся утешать:

– Надюшка, так кто мешает? Гуляй, с подружками встречайся! Пропуска у тебя не истрачены. Да и никто на улицах особо не ловит.

– Ну, это не то, – вздохнула она. – Ты-то для дела едешь. А мне какой смысл просто так рисковать?

– Я вообще врачом хотел стать. Как мама, – напомнил Полуянов. – Сидел бы сейчас в красной зоне. Месяцами тебя не видел.

– Наивный! От меня так просто не избавиться. Я бы к тебе санитаркой пошла. Или волонтером.

– Ну, пойди просто так в волонтеры. Чтобы не скучать.

– Не, Дим, я трусиха. Вирус сейчас где угодно зацепить можно. Да и дома есть чем заняться. Вот, кулинарную квалификацию повышаю!

Она прилепила на лицо улыбку:

– Пойдем скорей на кухню. Сегодня плов по эксклюзивному узбекскому рецепту.

Полуянову чрезвычайно нравилось, что Надя – пусть тосковала без своей библиотеки и жаловалась на монотонность бесконечного домашнего хозяйства – от готовки не уклонялась. Больше того: баловала его по преимуществу ресторанными блюдами. Еще и стол сервировала с элементами гламура. Обязательно вода со льдом в хрустальном кувшине, кольца для салфеток в интернет-магазине заказала, свечи почти каждый вечер.

Пиво Дима пить перестал – после того, как Горгона сказала: пенный напиток изменяет лицо так, что очень быстро перестаешь помещаться в кадре.

Но поглощать кулинарные шедевры без хорошего вина Полуянов считал святотатством. Интернет и примеры знакомых пестрели историями, как народ на изоляции откровенно пьянствует, поэтому они с Надей решили: максимум по бокалу. Сначала казалось мало, но очень скоро оба научились пить по глотку и наслаждаться букетом.

– А я вчера коньяк употреблял, – вдруг вспомнил Дима. – С твоим Бардиным.

– Я унюхала, – фыркнула Надя. – Но тактично промолчала.

– Он после интервью предложил, очень настойчиво. И, кстати, выпил одним махом. Рюмку сразу в посудомойку. Как будто с искушением боролся, чтоб еще одну не налить. А сегодня ни по каким телефонам не отвечает. Ты вроде его поклонница. Не в курсе: твой кумир, часом, не запойный?

– Мой кумир Брэд Питт, – фыркнула Надя. – А это обычный хороший артист. За его биографией я не слежу, хотя насчет алкоголя что-то вроде слышала...

Митрофанова наморщила лоб:

– Хотя нет, это не про пьянство. Несколько лет назад у Бардина был нервный срыв. Он даже в клинике лежал какой-то частной. Там, кстати, и с женой познакомился. Она медсестра.

– Да ты что! – удивился Дима. – Видел я его жену. Элегантная особа по имени Кассандра. Никогда бы не подумал, что она медсестра.

– Ну, за чужой счет несложно быть элегантной, – парировала Надя.

– Супруга, кстати, имеет на скуле внушительный кровоподтек. И губы распухшие – явно не от поцелуев, – задумчиво изрек Дима. – Официальная версия: упала на теннисном корте. А мне показалось – кулаком залепили. Как думаешь, Бардин мог?

– Ой, Дим! Ну что ты, как желтая пресса!

– Панина вспомни. Или Башарова.

– Я не уверена, что они били. А Бардин, чтобы ты знал, джентльмен. Он вообще не выносит, когда женщины плачут.

– Ты откуда знаешь?

– Так все газеты писали! На прошлом «Кинотавре» продюсер, не помню фамилию, над подружкой своей изгалялся. А Бардин ему в ухо врезал – за то, что женщину до слез довел. Даже уголовное дело было, но потом примирились. И официальные извинения, заметь, принес именно продюсер.

– Все-таки, Надька, ты в Бардина влюблена, – подколот Дима.

Ждал, что начнет возмущаться, но библиотекарьша лишь вздохнула:

– Что еще делать, Дим? Дома сижу, сериалы смотрю. Только и остается о симпатичных актерах мечтать.

– Ладно, про Бардина можешь мечтать, – разрешил Дима. – Он мне тоже показался нормальным. И Горгона сказала, что в моем материале чувствуется авторская симпатия.

* * *

Завтрак на следующее утро специально подстроили к десяти пятнадцати и провели перед телевизором. Надя разглядывала красавца актера с неприкрытым восторгом. Но – к Диминому удовольствию – и журналиста постоянно нахваливала:

– Сейчас, в профиль, смотришься просто шикарно. А какой вопрос задал интересный! Полуянов, бросай ты свою газету, иди в телезвезды!

Да, без ложной скромности следовало признать – интервью, да еще самое первое в жизни, решительно удалось. Все в меру: уюта, теплоты, умного, ехидного, бытового.

– На вас обоих прямо хочется смотреть и смотреть, – подвела итог Надя.

А едва программа закончилась, у Димы немедленно зазвонил телефон.

Первой с удачным эфиром его поздравила Горгона. Вторым в очереди оказался лично главный редактор – хвалить не стал, зато порадовал премией. И дальше звонок за звонком – в том числе последовали два предложения о работе на телевидении.

Только от самого Бардина (как и от его пиар-менеджера) – никакой реакции. Полуянов-газетчик давно привык не ждать похвал от героев своих публикаций. Но в тележурналистике он только начинал и приятное от героя сюжета, что скрывать, услышать хотелось.

Даже возникла мысль: самому набрать актера и спросить – как ему показался материал? Однако Дима сдержался и вести себя в духе нервного первокурсника

не стал.

Надя ходила на цыпочках и к разговорам Полуянова вроде бы не прислушивалась, но за обедом посмотрела лучисто:

– Димочка! Как я тобой горжусь! Все кругом ноют: работы нет, денег нет – а тебя на части рвут.

– Да ладно тебе, Надюшка! Подумаешь: на кабельный канал позвали.

– Не только на кабельный, – со значением уточнила она. – Но ты все равно пока не спеши.

– Я и не собирался. Подожду, пока на самый Главный позовут, – усмехнулся Полуянов.

– Позовут, не сомневайся, – заверила Митрофанова и лукаво улыбнулась: – А куда премию твою потратим?

Да, домашняя изоляция – несомненное зло. Ничего от сожительницы не скроешь.

– Ну... ты теперь непревзойденный спец по плову, так что могу купить тебе профессиональный казан, – пошутил Дмитрий.

И еле успел увернуться – тапка летела ему точно в голову.

Он поспешно сказал:

– Конечно, в Париж полетим. Как только границы откроются.

– А сегодня? – печально вздохнула она. – Опять телевизор смотреть?

Дима задумался. Действительно: как в нынешних условиях устроить хотя бы маленький праздник? Ехать в подпольный ресторан? Пробираться тайными тропами в закрытый парк? Хотя зачем обязательно в парк?

Он спросил у Митрофановой:

– Мясо есть у тебя?

– Вчера шейку купила. Полтора килограмма.

– Доставай. Замариную по-быстрому, и в лес поедem, шашлык организуем.

– С ума сошел! Говорят, росгвардия ходит, штрафует.

– Ничего, в глушь забьемся. А если что, удерем.

* * *

Романтический вечер на лесной поляне получился на загляденье. Погода, словно по заказу, выпустила из плена туч яркое апрельское солнце. Птицы надрывались, никто молодых людей не преследовал, шашлык удался. Бледная после заточения в квартире Надя порозовела, развеселилась. Танцевали, зачем-то пели «Ой мороз-мороз», целовались.

Мобильная сеть в их уединенном уголке отсутствовала, и когда – уже ближе к восьми вечера – выехали на шоссе, телефон у Димы немедленно зазвонил.

Он сидел за рулем и попросил Надю:

– Посмотришь, кто там?

Девушка взглянула на определитель и ахнула:

– Ничего себе! Андрей Могилев!

– Давай. – Сердце у Полуянова екнуло.

С ведущим самого популярного в стране ток-шоу он был знаком, визитками обменялись. Пару раз Диму приглашали в студию выступить в роли эксперта. Но

с личного номера телезвезда звонила ему впервые.

Здороваться Могилев не стал, с ходу спросил:

– Через час в Останкино сможешь быть?

– Э... да. А зачем?

– Прямой эфир пишем. По Бардину.

Ого! Неужели один сюжет про актера снял – и сразу в эксперты зачислили?

Но Андрей огорошил:

– Ты его, похоже, последним видел.

– В смысле?

– Новости не смотришь? В мир иной Александр отошел.

Надя тихонько ойкнула.

– Что случилось?!

– На первый взгляд несчастный случай, но возможны варианты. Так приедешь?

Митрофанова энергично закивала.

И за всю дорогу к телецентру даже ни разу не пожаловалась, что ей придется идти на передачу к самому Могилеву в стареньких, заляпанных на пикнике джинсах.

* * *

Главное для успешного ток-шоу – собрать максимум версий. И пригласить как можно больше антагонистов.

Дима полагал: его – как и прежде, когда он бывал у Могилева, – отправят на диванчик к экспертам.

Но редактор программы, возрастная дама по имени Милена с полоской усиков и каплями пота на лбу, объявила:

– Ваш выход после второй рекламы.

– А о чем я говорю?

– О чем Андрей спросит.

– Но хотя бы в каком ключе?

– Ничего не могу сказать. Эфир вне плана, подготовиться не успели. Андрюша импровизировать будет.

Полуянов слегка занервничал. Он всегда считал – выходы героев даже в сделанных в авральном режиме ток-шоу Могилева тщательно продуманы, обговорены и срежиссированы.

А когда твой оппонент (якобы) собирается импровизировать – это весьма опасно. Или все-таки ему приготовили роль – но просто о ней не говорят?

«Как бы не выставил он меня полным бараном». Дима с Могилевым, конечно, теперь коллеги, но опыта у ведущего несоизмеримо больше. А телевизор – игрушка коварная. Любая заминка, секундная пауза «на подумать» – и ты уже выглядишь неуверенным, жалким, нелепым. Если (да еще без подготовки) решишь соврать, камера тебя всегда безжалостно выдаст. Да и жарко в студии, а на нем (с пикника ведь ехал!) свитер в обтяжку. Вспотеешь – так на всю страну.

«Срочно нужна позиция, – понял Полуянов. – Собственное мнение: как и почему Бардин погиб».

Но получится ли выработать концепцию – когда человека едва знал, информации крохи, а времени у тебя от силы минут сорок?

Диму (будто участника программы «Давай поженимся») определили в отдельную комнату. Происходящее в студии действие отображалось на большом экране. Полуянов увидел Надю. Девушка сидела во втором ряду, явно нервничала, правую ладошку не отрывала от бедра – там имелось пятно от кетчупа.

Быстро отрепетировали аплодисменты, Могилев явился с коротким вводом – Бардин погиб безвременно, неожиданно и страшно. Полуянов, наконец, узнал, что актера сегодня днем нашли мертвым в собственной ванной. Причина смерти пока неизвестна, комментариев следствие не дает, поэтому версии будут строить участники программы.

– И первый наш гость – Людмила Суворова, председатель фан-клуба артиста!

Дима ждал печальную старую деву, но в студию, задорно цокая каблучками, явилась вполне успешная с виду дама средних лет. Ладная фигурка, свежее личико, только глаза заплаканы.

Ведущий безжалостно выстрелил:

– Людмила! Почему погиб Александр?

Женщина всхлипнула:

– Господи! Да разве непонятно? Саша – он такой энергичный, без дела вообще не мог! А его выключили из жизни: ни репетиций, ни съемок, ни общения – заперт в четырех стенах. Какие-то пропуска унижительные должен делать, чтобы просто из дому выйти!

– Но в подобных условиях вся страна!

– Вы маску надели и работаете, – парировала поклонница. – А кино, театр – встали полностью.

– Лично я был бы рад легальной возможности отдохнуть.

– Саша тоже пытался радоваться поначалу, но он очень переживал. Не за себя – за других: эпизодников, осветителей, ассистентов – кто без работы и без копейки остался. Все ждал, когда будет просвет и пандемия на спад пойдет. А новости день ото дня все страшней, и он просто не выдержал.

– То есть вы считаете, Александр покончил с собой?

– Я... я не знаю. Но раз его нашли в ванной...

– Он мог заснуть и захлебнуться.

– Не верю, – помотала головой председатель фан-клуба. – Такое только спьяну возможно, а Саша пил в меру. Не в пример остальной богеме. Я его за это очень уважала. И все остальные тоже.

– Часто употребляли вместе?

– Употребляли, – не смутилась женщина. – На встречах фан-клуба. На презентациях. Пара бокалов вина, рюмка водки, и все. Никогда и никто его даже слегка перебравшим не видел – не то что пьяным.

– А иные веселящие вещества?

– Да о чем вы говорите! Саша спортсмен, полумарафоны бегал, отжимался по сто раз! Драки все без дублера снимали!

– То есть вы считаете: Александр покончил с собой осознанно, находясь в здравом уме и трезвой памяти?

– Нет, нет! – перепугалась фанатка. – Я не говорю, что он покончил с собой! Пусть следствие определяет, что случилось. Меня просто жутко бесят все эти глупые разговоры, будто он до смерти допил и в невменяемом состоянии утонул! Я не могу позволить, чтобы Сашину память порочили.

Больше ничего по делу президент фан-клуба не сказала. Эксперты – не слишком известные актеры, певцы и прочие шоумены – погалдели на тему, что простой для творческого человека по-настоящему губелен, тут поневоле начнешь или пьянствовать, или про суицид думать.

Полуянова в его временном заточении никто не беспокоил, и он, краем глаза наблюдая за тем, что происходит в студии, лихорадочно пытался выйти в Интернет, узнать в мировой паутине хотя бы минимум: кто обнаружил тело? При каких обстоятельствах? Однако сеть в его комнатухе работала отвратительно, поэтому выяснил сущую ерунду: Бардина нашла супруга. Видимых повреждений на теле нет. Предварительная причина смерти – утопление. Но с какой стати молодому и, судя по всему, не пьяному мужику тонуть в ванне?

Шоу ушло на рекламу, а следующим номером в студию явился коллега покойного. Могилев представил его известным актером, однако Диме ни лицо, ни фамилия пожилого, довольно потрепанного дядечки ничего не говорили.

Гость неуютно скукожился на самом краю диванчика, облизал губы. А когда Могилев атаковал его тем же вопросом: «Почему погиб Александр?», еле слышно пробормотал:

– Они сейчас все концы в воду... Придумают, что Сашка допился или с собой покончил. Но я знаю правду. Его убрали.

– Что вы имеете в виду?

– Убили его, как неудобного, – чуть громче произнес актер.

– Кто? Как? – потребовал ответа ведущий.

Пожилой мужчина приободрился:

– Не важно, кто конкретно заказ исполнил. «Шестерка», наемник нашей власти позорной. Они большие умельцы – несчастные случаи фабриковать. Тем более Саша себя не берег. Охраны у него не было.

– А мотив? – вкрадчиво спросил Могилев.

– Откройте ютьюб, наберите «Бардин про карантин». Вряд ли мэру и иже с ним подобное нравилось, – отозвался гость.

– Ну что ж, давайте посмотрим, – легко согласился ведущий.

И хотя редактор утверждала, будто шоу сегодня делают абсолютно без подготовки, на большом экране немедленно появился снятый любительской камерой ролик.

Александр (на человека в депрессии он совсем не походил, в глазах плясали веселые чертики) читал стихи – похоже, собственного сочинения. Никакой особой крамолы Дима в них не узрел. Даже на сатиру не тянуло, обычный, довольно мягкий юмор. Некоторые рифмы звучали забавно. Полуянову особенно понравилось: «Чахну в изоляции – нет эякуляции».

Просмотров ролик набрал под миллион, лайки исчислялись десятками тысяч – тема народу близкая, мало кто был счастлив оказаться под арестом в четырех стенах.

Экран погас, и Могилев снисходительно улыбнулся:

– Я так тоже могу. Пожалуйста, абсолютный экспромт! В карантин – я сплю один!

Полуянову показалось не смешно, но в студии захихикали.

– Сергей Семенович! – Ведущий состроил испуганное лицо, словно обращался непосредственно к мэру. – Вы ведь меня за это не уберете?

А пожилой артист со своего дивана с горячностью воскликнул:

– Зря юродствуете! Кому вы нужны – убивать еще! Но у Саши, в отличие от вас, была настоящая гражданская позиция. Он не только стихи писал – а реально боролся и помогал людям! Вся Москва плачет от социального мониторинга и несправедливых штрафов. Но только Бардин решился написать петицию против этого издевательства. Ее уже триста тысяч человек поддержали. А знаете,

каково сейчас театрам? Спектаклей нет, зарплаты нет, люди голодают, и всем по барабану. Только Саша беспокоился: хлопотал, ругался, но выбил для нас дотацию – со скандалом, через суд! Одному богу известно, скольких сил и нервов ему это стоило. Хотя лично у него финансовых затруднений не было – для других старался. Нравнодушный человек! Совершал поступки, неудобные для власти. А зацепить его было не на чем – не пил, не гулял, сомнительных делишек не вел.

– Хорошо, – томно кивнул Могилев. – Давайте вашу версию обсудим. Как вы себе технически представляете – этот якобы подстроенный несчастный случай? Александр находится в своем коттедже один. По периметру участка видеонаблюдение, дом заперт. Каким образом к нему мог пробраться злоумышленник?

– Ну, слушайте! Запертая дверь и видеокамера не преграда даже для воришки-гастарбайтера.

– В доме никаких следов борьбы. Видимых повреждений на теле нет. Злоумышленник велел ему утонуть, и Бардин послушался?

Пожилой артист печально вздохнул:

– Нужно было просто знать Сашины привычки, хотя бы минимально. Он любил жить по расписанию, придерживался любимых ритуалов. Даже на гастролях старался вечерами обязательно полежать в ванне, снять напряжение, послушать музыку. Помедитировать. По-моему, нет ничего проще замыслить зло, если знаешь, что человек дома один. В ванне, с закрытыми глазами, в наушниках. Просто тихонько подняться на второй этаж, осторожно отворить дверь, незаметно приблизиться – и резко дернуть за ноги вверх. Утопление в таких случаях происходит мгновенно, и телесных повреждений не обнаруживают.

Студия притихла – версия актера публику впечатлила. Могилев, своим фирменным жестом, уместил большой палец в ямочку над подбородком и задумчиво произнес:

– Но тогда следствие должно обнаружить – в доме, в ванной, возможно, на теле Александра – посторонние частицы ДНК.

– Должно обнаружить. Но захотят ли они? – патетически молвил пожилой слугитель Мельпомены.

– А что думают наши эксперты? – обратился Могилев к диванчику, где восседали «звезды».

Новая версия – диаметрально противоположная предыдущей – тоже нашла среди гостей горячее одобрение. Дружно начали ругать власть, сталинские методы, вспоминать Листьева, Немцова, Собчака, Литвиненко.

Могилев четко следил, чтобы погалдеть хотя бы минуту получилось у каждого. А едва все высказались, объявил:

– Да, Александр Бардин – действительно не из тех, кто всегда кричит «ура» и «согласен». Кстати, буквально за день до смерти он дал моему коллеге интервью, в котором тоже есть не слишком приятные для власти моменты. После рекламы мы увидим в нашей студии автора сюжета. Это журналист телевидения «Молодежных вестей» Дмитрий Полуянов!

Камеры выключились. В комнатку, где Дима коротал время, ворвалась гримерша – брызнула лаком на волосы, лихорадочно прошлась по его лицу пуховкой. Возрастная редакторша Милена схватила журналиста за руку, вытащила в узкий коридорчик и показала, куда ему – под аплодисменты – идти и на какой диванчик садиться.

– Будем продолжать ругать власть? – еще раз попытался уточнить фокус своего выступления Дима.

– Просто говорите правду, – с подленькой улыбкой напутствовала дама.

И тут же раздалось магическое:

– Мотор идет!

Полуянов максимально бодрым шагом вступил в студию.

Первым его встретил красный глаз камеры – оператор пятился перед ним, снимал крупный план. Лица зрителей сливались в полумраке, но взволнованный Надюшкин взгляд Дима выловил.

Могилев встретил его милой улыбкой. Дима ждал того же вопроса: «Кто убил Бардина?»

Однако ведущий спросил другое: «Кто вам заказал сюжет про Александра?»

Верно сказал классик: правду говорить легко и приятно.

Дима беззаботно отозвался:

– Читатели. Они сами выбрали, с кем мне встречаться. На сайте газеты было открытое голосование.

– У вашей программы есть правила – явные или тайные? О чем говорить можно, о чем нельзя?

– Есть пожелания. На выходе должен получиться милый, мягкий, душевный, искренний разговор.

Могилев ответил пафосной цитатой:

– «Многочисленное стадо людей заперто в клетках. Страдают от одиночества. От нехватки кислорода. Большинство без денег сидят, на хлебе и воде. А власти нет до них никакого дела». Не слишком ли круто вы завернули для легонькой утренней передачи?

– Ну, нельзя же есть исключительно приторное. Кусочек горького имбиря в сладком чае приятно бодрит. Тем более что Александр правду сказал, – парировал Дима.

– Вы тоже оппозиционер? – кисло улыбнулся Могилев.

– Бросьте, Андрей. Об этом на всех кухнях страны говорят.

Ассистент дал знак – публика зааплодировала.

– Бардин – неудобный человек? – предпринял ведущий новый заход.

– Я бы не сказал. По крайней мере, общаться с ним было комфортно, – пожал плечами Дима.

– Я сейчас про его гражданскую позицию. Александра могли убить – из-за нее?

– Есть много публичных людей, которые позволяют себе куда более резкие высказывания и поступки. Однако все они пока живы.

– У вас есть собственная версия: кто убил Александра?

– Странно отвечать на подобный вопрос, когда даже причина смерти точно неизвестна.

– Дима, я прекрасно знаю, – тонко улыбнулся Могилев, – уж у вас-то всегда есть собственное мнение.

– Оно ничего не стоит, раз я ничего не могу доказать.

– И все-таки: озвучьте нам его.

– Я просто приведу интересную статистику. Примерно каждый пятый из тех, кто обнаружил тело – особенно когда это происходит без свидетелей, – на самом деле жертву и убил.

Публика загудела, Надя побледнела. Могилев обрадовался, выкрикнул ликующе:

– Как интересно! Мы знаем: тело нашла супруга актера. Свидетелей при этом не имелось. И по закону – она же, вероятно, и наследует после него! То есть еще и мотив есть! Ищи, кому выгодно!

– Повторю: я никого не обвинял. Просто привел статистику.

– А вы, кстати, знакомы с милой супругой актера? – поинтересовался Могилев.

– Мы успели переброситься парой фраз. Кася приехала к концу интервью.

– А куда она уезжала?

Дима замялся. Он совсем недавно писал для «Молодежных вестей» про салон красоты. Заведение прогорало – работать нельзя, а платить аренду надо. Поэтому вечерами туда тайком пускали клиентов – постричь, покрасить, сделать маникюр. А одна из дамочек навела марафет – и написала жалобу в Роспотребнадзор. Крошечному частному предприятию вклеили штраф в триста тысяч.

Поэтому и неведомый ему теннисный клуб подставлять не хотелось. Дима соврал:

– Я не знаю, куда Кася уезжала. Но одета была в спортивное.

Могилев не отставал:

– А как сам Александр объяснил ее отсутствие?

«Куда он клонит?»

– Сказал, что супруга поехала тренироваться.

– Почему нельзя было отложить спорт ради участия в семейной программе?

– Этот вопрос, наверно, лучше ей задать.

Могилев продолжал насеждать:

– То есть Бардин вам не сказал, почему его супруга отсутствует во время съемок?

– Нет.

Проклятая камера немедленно почувствовала фальшь. Могилев тоже ее уловил и вкрадчиво произнес:

– Хорошо, тогда на вопрос отвечу я. Жена Александра занимается только одним видом спорта – это большой теннис. Она много тренируется, играет турниры. Бардин очень гордился ее успехами.

Нужно было срочно спасать положение.

Полуянов твердо произнес:

– Раз вы приперли меня к стенке, готов признаться. Я знал, что она в теннисном клубе.

Публика загудела, кто-то свистнул.

Дима постарался не смутиться, повысил голос:

– Бардин мне сразу сказал: его супруга отсутствует, потому что играет нелегальный турнир. Но так как теннис в стране сейчас под запретом и у клуба могут быть огромные неприятности, я решил промолчать.

– Хотя молчать – преступление! – взвизгнул один из экспертов. – Любые общественные мероприятия сейчас смертельно опасны, а вы покрываете нарушителей!

– В Москве работает метро и снимают телепередачи, – парировал Дима. – Не понимаю, чем теннис хуже.

– Давайте не будем обсуждать решения правительства, – забеспокоился Могилев.

Пожилой актер пробасил:

– Ага, испугался!

Могилев реплику проигнорировал и обратился к залу:

– Итак, позавчера – когда к ее мужу приезжала съемочная группа телевидения «Молодежных вестей» – Кася Бардина с трех часов дня находилась в теннисном клубе «Подмосковные зори». Официально учреждение не работает, но в этот день там, при закрытых дверях, проводили теннисный турнир для своих. Присутствовали игроки – восемь женщин и восемь мужчин. Также в клубе были судья, его помощник, администратор и уборщица. Кася занимается теннисом давно и считается опасным соперником. Но в этот день игра у нее не шла совсем. Она под ноль сдала первый матч, а во время второго проиграла три гейма и отказалась от борьбы.

Ведущий обернулся к Диме:

– В день интервью вы с Касей все-таки встретились. Где и когда?

– Мы уже уезжали. Съемочная группа сидела в машине, Александр и я стояли на крыльце. В это время она подъехала.

– Вышла из машины, подошла, Бардин вас познакомил, все верно?

– Да.

– И как вам девушка показалась?

– Милая. Молодая.

– Как она выглядела?

– Немного уставшей.

– И больше ничего?

– А что еще должно быть?

– Во внешности девушки ничего подозрительного не заметили?

И это знает! Дима вымученно улыбнулся:

– Дамы, конечно, непревзойденно умеют маскировать то, что хотят скрыть. Но... возможно... у Каси был небольшой синячок на правой скуле.

– Что ж, давайте на этот небольшой синячок посмотрим! – жизнерадостно предложил Могилев.

На большом экране немедленно явилась фотография супруги Бардина – с огромным, опухшим кровоподтеком в половину лица и разбитыми губами. Публика в студии охнула. Надюшка глядела на Диму отчаянными глазами.

Могилев злорадно улыбнулся, поместил большой палец в ямочку на подбородке.

– Кася не объяснила вам, откуда у нее это украшение?

– Объяснила. Накануне отрабатывала укороченный удар с выходом к сетке и упала, а покрытие в клубе жесткое.

– Ни разу не видел теннисистов с такими фингалами, – рубанул Могилев и уверенно продолжал: – Я тоже слышал официальную версию: будто девушка травмировалась накануне на тренировке. Однако у нас в студии присутствует подруга Каси. Она прольет истину на то, что с ней случилось! Сейчас реклама. Не переключайтесь.

* * *

Обратно в комнатку Диму не повели – оставили в студии, на отдельном диванчике. Подскочила гримерша, снова подпудрила нос. Ассистентка сунула одноразовую маску, велела:

– Обязательно наденьте – до того, как мотор пойдет.

Режим карантина в студии соблюдали избирательно. Пока ты главный и беседуешь с Могилевым – можно без средств защиты. Выступил – закрой личико.

Дима улыбнулся Надюшке, надел маску, откинулся на спинку дивана и задумался. Кто, интересно, слил Могилеву информацию про нелегальный турнир и синяк на лице супруги актера? И что будет дальше?

Прямой эфир – действие стремительное. Уже через пару минут снова прозвучало «мотор идет», и в студию явилась очередная гостья, очень худая, с высокими скулами и походкой от бедра. Села на соседний диванчик – в полупрофиль, стопы на пол не поставила – держала на носочках, чтобы ноги казались длиннее. С видимым удовольствием поулыбалась во все камеры. Манекенщица или балерина, скорее всего, отставная.

– Вы Нина Щеглова, подруга Каси и нарушительница закона, – утвердительно молвил Могилев. – Вы ведь тоже участвовали в нелегальном турнире?

– Да, – лучезарно улыбнулась девушка. – Но я не просто участвовала. Я его выиграла.

Она гордо откинула голову, улыбнулась публике. Несомненно, ждала аплодисментов – и они, по сигналу ассистента, последовали.

– Пять игр, пять побед! – продолжала восхвалять себя красавица.

Снова сорвала аплодисментов – не слишком бурных.

Могилев улыбнулся:

– И руку соперницам пожимали?

– Даже целовалась.

– Заболеть не боитесь?

– Ерунда. Куда больше болеют те, кто на диванах лежат, – парировала Щеглова.

– С Касей вы на этом турнире играли?

– Ага, еще в группе. Разделала ее под орех, за сорок минут, – с видимым удовольствием отозвалась героиня. – Хотя обычно мы с ней до смерти грыземся, часа по два.

– Но ваша подруга была не в форме?

– Меня не волнует, – фыркнула Нина. – Не можешь бороться – снимайся. А вышла на корт – извините. Да и в чем проблема – подумаешь, фингал. Как он мешает играть?

– Когда вы увидели, что у Каси повреждено лицо?

– В раздевалке. Я только захожу, а она уже переоделась и у зеркала с тональником колдует. Но замазать не успела – синяк во всей красе.

– Предыдущий наш герой утверждает: Кася получила травму на тренировке.

Балерина фыркнула:

– Брехня.

– Почему?

– Мы с ней тренируемся всегда вместе. За день до турнира играли – все в порядке было.

– Соревновались вы двадцать пятого апреля. А тренировались?

– Двадцать третьего. Час с тренером и потом еще столько же на счет рубились.

– Возможно, Кася играла двадцать четвертого? Сама, без вас?

Нина снисходительно улыбнулась:

– Вот сразу видно: вы человек от тенниса далекий. Ни один нормальный спортсмен за день до соревнований на корт не выходит. Нужно дать организму

отдых – тогда на турнире будешь на пике формы.

– А если она все-таки выходила на корт? Только без вас?

– Мне бы доложили, – пожала плечами Щеглова. – У нас в клубе все про всех знают. – Она возвысила голос: – Да и не верю я в эту лажу про травму на тренировке. Посмотрите на фотку! Корт по лицу так не ударит, только кулак.

– И чей это был кулак?

– Каська мне не призналась, – вздохнула балерина.

– А вы сами как считаете?

– Ну, вряд ли она с кем-то на улице подралась, так что только два варианта, или любовник, или муж.

– У нее есть любовник?

– Ой... – Щеглова старательно разыграла смущение. – Ну, это я образно выразилась.

– Так есть или нет?

– Кася мне про личную жизнь не рассказывает...

– Вы ведь подруги, – напомнил Могилев.

– Ну... я могу, конечно, предполагать. Мы ж еще миксты играем с парнями. А партнер по миксту – человек всегда близкий. Очень часто и до постели доходит. Мне скрывать нечего – я с товарищем по команде и переспать могу. Но я девушка свободная. А у Каси муж – известный артист, поэтому она свою личную жизнь осторожно вела.

– Фактически вы ее обвинили.

– Свечку не держала, – решительно отозвалась балерина. – Но она со своим партнером в отличных отношениях. Когда мяч выигрывают, обязательно целуются. И после игры всегда обнимашки.

– Как зовут Касинового партнера по миксту?

– Денис Ивашов.

– А этот Денис был знаком с Касиным мужем? – вкрадчиво спросил Могилев.

– Был, – с удовольствием отозвалась Щеглова. – Они даже махались однажды.

– Где, когда?

– После турнира, прошлым летом. Финал был сложный, с перевесом в два очка на тай-брейке вытянули. Денис Касю на руки схватил, кружить начал, она хохочет. А Бардин на трибуне сидел. Он психанул и ушел. Кася перепугалась, побежала за ним. Обнимала, винилась: типа, эмоции переполнили, не удержалась. Саша успокоился, остался на награждение. А Денис – когда им кубки вручали – опять за свое. Касю расцеловал. Ну, тогда Александр совсем разошелся: прямо к подиуму выскочил, ее оттолкнул, а Диньке – по мордасам. Хорошо, судьи сразу растащили.

– А Касю – Александр не ударил?

– Не, только отпихнул. Но в машину шли злые, молча. Так что не исключено: дома мог и навалить.

– Вы когда-то еще видели Касю с синяками, ссадинами?

– Ну... – замялась балерина. – С год назад где-то тоже у нее скула была разбита. Тогда сказала, что с лестницы упала.

– Хорошо. – Могилев решительно вдавил свою ямочку на подбородке. – Кто убил Александра?

– Ой, ну я же не следователь, – дернула плечиком Щеглова.

– Вы слышали предыдущие версии?

– Слышала. Полный бред, – пригвоздила Нина. – Особенно про Касю. Она точно убить не могла.

– Почему?

– Так это совсем надо больной на голову быть! Муж ее из нищевородок взял, в особняк поселил. Красивый, богатый, артист. Шмот покупает, в теннис с другими мужиками играть пускает.

– Бьет... – подхватил Могилев.

– Да если и приложит иногда – подумаешь! Он за все платит, значит, имеет право.

Публика – безо всякого сигнала ассистента – гневно загудела.

Балерина повысила голос:

– Не слышали, что ли, народную мудрость: бьет – значит, любит! А все эти разговоры про семейное насилие меня бесят просто. Западные происки! У нас на Руси всегда было: если заслужила или сама спровоцировала – получи. Чего тут такого?

В студии немедленно начался хаос. Кричали зрители с мест, бесчинствовали эксперты. На большом экране вновь появилось лицо Каси с кровоподтеком.

Могилев с огромным трудом призвал народ к порядку, обернулся к камере и интимным тоном молвил:

– Спасибо, дорогие друзья, что сегодня вы оставались дома с нами!

Камеры мгновенно потухли, Могилев рукавом дорогущего пиджака стер со лба пот.

Полуянов стянул маску, обернулся к фотомодели:

– Хорошо вы подругу подставили.

Но ответить та не успела.

К Щегловой подскочили две ассистентки, зашебетали:

– Нина! Прекрасно! Великолепно! Ровно то, что надо! Пойдемте скорей, для вас уже все готово.

Подхватили под ручки, повели.

На Диму и остальных героев программы никто внимания не обращал, Могилев куда-то исчез. Полуянов его искать не стал. Выловил из толпы зрителей Надюшку, обнял. Она прошептала:

– Жуткое шоу. Но ты был классный.

Протянула ему влажную салфетку – снять грим.

Зрители расходиться не торопились. Собирались кучками, горячо обсуждали: кто все-таки убил актера (о несчастном случае речь уже не шла). Народ с удовольствием трепал две версии: Кася, ее любовник. Ну, или вместе.

– Я бы на месте жены в суд подал, – хмыкнул Дима.

– Ты смешной, – отмахнулась Надя. – Это ведь какой шанс! Могилев еще один эфир под это дело устроит. Прискачет Кася в студию и будет пиариться изо всех сил. Только мы давай, пожалуйста, больше сюда ни ногой.

– Нас и не позовут, – заверил Полуянов.

Шоу высосало все соки, и ему больше всего сейчас хотелось поскорее добраться домой, отправить Надюшку заваривать чай, а самому забиться под одеяло.

Но немедленно прыгнуть в постель не получилось.

Едва вернулись, Надя бросилась давать отпор коронавирусу. Диму отправила промывать солевым раствором нос, сама взялась дезинфицировать уличную обувь. Потом потребовала его телефон и начала тщательно протирать стекло.

Полуянов ворчал:

– Надя, что за санпропускник?

Он не то что отрицал новомодный вирус. Но среди его знакомых болячку подцепили, по странной прихоти судьбы, как раз те, кто наиболее строго соблюдал самоизоляцию. Посему Дима решил: маску носить, руки мыть – но при этом быть фаталистом. Если суждено переболеть, никакая дезинфекция не поможет.

Но когда у Митрофановой убеждение – спорить с ней бесполезно. Так что пришлось дожидаться окончания превентивных мероприятий, полностью менять одежду, принимать душ – и лишь потом они сели ужинать.

Дима разлил вино, Надюшка произнесла тост:

– Полуянов, я тобой горжусь! Дважды за день появился в эфире! И оба раза сумасшедший успех. Давай за это выпьем!

Приятно слышать комплименты – даже когда понимаешь, что тебе слегка льстят.

– Я не выглядел толстым? – изобразил манерную улыбку журналист.

– Ты выглядел прекрасно, – заверила Надя. – Но когда Могилев тебе допрос устроил, я реально испугалась.

– Мне тоже стало не по себе, – признался Дима. – Ни словом ведь не намекнули, о чем пойдет речь. Кто, интересно, им информацию слил – про нелегальный турнир?

– Нина, кто еще! Она, по виду, какая-то актриса несостоявшаяся. Вот и использует любой шанс – на главном канале засветиться!

– Тело Бардина нашли в три часа дня, эфир начался в десять. Как они успели узнать про турнир, найти участницу, да еще уговорить ее в студию приехать?

– Может, она сама с телевидения? – предположила Надя.

– Не похоже.

– Дим, ну это ж самое крутое ток-шоу в стране! У них, наверно, везде агенты!

– Нет, тут что-то странное. Надо выяснить.

Он отвлекся от бифштекса и сделал пометку в блокноте.

– Нашел, к чему прицепиться, – фыркнула Надя. – Мне гораздо интереснее: неужели Бардин все-таки жену бил?

– Вчера ты утверждала: он джентльмен, – напомнил Дима.

– Но сегодня-то я ее фотографию видела! Действительно: мало похоже на удар об корт.

Надя поежилась и неожиданно добавила:

– И хотя эта Кася – баба очень противная и глаза у нее лживые, мне все равно ее жаль.

– Почему?

– Сам подумай: все в один день. Муж погиб. Она тело нашла. А тут еще на всю страну ей кости перемыли.

Надя не стала напоминать, что именно Дима Касю чуть ли не в убийстве обвинил, но взглянула с укором.

У Полуянова и у самого на душе кошки скребли. Зря он согласился участвовать в этом шоу. Да и свою статистику, что кто нашел, тот и убил, приводил напрасно. Мог бы что-то поэлегантнее придумать. А теперь поздно, слово не воробей. Вырвалось и разлетелось по всей многомиллионной стране.

Ольга Петровна

Жизнь у Ольги Петровны сегодня закончилась. И если бы сразу накрыло чернотой небытия! Но нет, попала она в девятый, самый последний круг ада. Навеки вмерзла в ледяное озеро Коцит [2 - Данте Алигьери, «Божественная комедия»]. Потеряла единственного, любимого, ненаглядного сына. Хоть и осталась сама на земле – но без Саши мир всегда будет жалок, а собственное существование никчемно.

Но если кто-то полагал, что несчастная мать сейчас билась в истерике или думала о самоубийстве, он глубоко ошибался. Не отчаяние ее переполняло, но ярость.

Как полицейские только посмели петь ей песни про несчастный случай? Саша – молод, силен, здоров, трезв. Он не мог просто заснуть в ванной и захлебнуться! Несомненно, его погубили. И сделала это Кася, больше некому. Во всем виновата проклятая невестка.

Ольга Петровна еще четыре года назад предчувствовала беду – когда сын сообщил, что женится на медсестре.

«Кася не из Москвы. И до Юдит Полгар [3 - Юдит Полгар – обладательница выдающегося интеллекта, в пятнадцать лет получила звание гроссмейстера, считается лучшей шахматисткой в мире.], скажу честно, ей далеко. Зато она очень красивая. И добрая», – представил свою избранницу Саша.

Прелестно, просто прелестно! Будь Кася классической заезжей хищницей, покорительницей столицы, Ольга Петровна волновалась бы меньше. Но похожее на ангелочка создание и вело себя подозрительно ангельски.

Безропотно (и, надо признать, весьма умело) вела дом, Сашеньку всячески обхаживала, бриллиантов не требовала, скандалов не устраивала. Когда Ольга Петровна являлась с инспекцией, вела себя тихой мышкой. Преданно кивала, подавала чай, кормила пирожками собственного приготовления.

И сын ее боготворил. Любое упоминание о Касе расцветчивало лицо Саши счастливой, глупой улыбкой. А обидней всего, что именно это аморфное, ничтожное по своей сути создание подтолкнуло Сашу на путь успеха.

Ольга Петровна с Сашенькиных школьных лет мечтала, как ее мальчик – по способностям, по заслугам! – прославится. Однако случилось великое событие именно в правление Каси. И ее же сын за свой успех благодарил.

Даже в интервью не постеснялся сказать: «Раньше мне ничего особо было не надо. Служил в театре, читал книги, путешествовал в эконом-классе. Но когда рядом с тобой удивительная, лучшая в мире женщина, ты поневоле начинаешь что-то предпринимать, чтобы соответствовать ее уровню. Я и прежде пытался добиться успеха, но глаза мои не горели, поэтому, наверно, ничего и не получалось. А нынче мне захотелось, простите за аллегорию, совершить для своей прекрасной дамы настоящий рыцарский подвиг».

Это Кася-то прекрасная дама! Из какой-то дыры, со средним образованием, всех достоинств – тощая попа да кукольные глаза!

Однако печальный факт следовало признать. Саша и прежде рассылал видеовизитки и посещал кастинги, но выше ролей второго плана улова не приносил. И вдруг – без всяких связей, без блата – получил главную роль в высокобюджетном сериале!

Ольге Петровне сын в образе очередного мента показался не слишком убедительным. Кожаная куртка, бесконечные погони, примитивное, безыскусное зрелище. То ли дело театральный Сашенькин Хлестаков или Клайд Гриффитс в «Американской трагедии»! Но публика оказалась дурой.

Сериал прогремел, и покатилося: интервью, светская жизнь, фан-клуб, гонорары, «Кинотавр». Театр он почти забросил, начал активно сниматься – отдельная гримерка, райдер. Агента себе завел, пиар-менеджера. Начал загородный дом строить.

Когда звезды внезапно загораются, то часто и тухнут почти мгновенно. Но Сашенька (Ольга Петровна полагала, за счет прекрасного воспитания) поднимался на Олимп осторожной поступью. Вел себя с достоинством, сдержанно, грамотно. Показательных скандалов ради пиара не устраивал и Касю свою только единожды в интервью упомянул. А дальше умные люди ее мальчику объяснили, что секс-символ должен давать зрительницам повод о себе помечтать. Саша критику воспринял и супругу выпячивать перестал. Та греться в лучах его славы, к счастью, не просилась, на публику вместе с ним не лезла. На светских мероприятиях сын обычно появлялся один, лишь иногда однокурсник по Щуке приглашал или маму – к огромной радости и гордости последней.

А Кася сидела дома, вытирала пыль.

– Мама, ты представляешь, какая она удивительная? Даже домработницу брать не захотела, сказала, что ей самой нравится для меня хозяйничать! – восторгался Саша.

Но Ольга Петровна ни разу не верила в благородство провинциальной хищницы. Типичная тактика захватчицы: найти перспективного, дорастить до генерала, а потом – обобрать, словно липку.

И вдвойне тревожно, что мать никак не могла понять, в чем заключается хитрый план приезжей амебы. Да, печать в паспорте себе вытребовала, в фате покрасовалась, в их квартире зарегистрировалась. Однако – под давлением Ольги Петровны – безропотно согласилась, что подпишет брачный контракт и в случае развода на совместно нажитое имущество (а также на Сашенькины доходы) претендовать не будет.

– Кася – ангел. Абсолютная бессребреница, – глупо улыбался Саша. – Зря ты ее в чем-то подозреваешь.

Но Ольга Петровна не успокаивалась. Она не поленилась съездить в родной городок захватчицы. С удовольствием скормила сыну информацию, что в школе Кассандра училась на слабые троечки, зато нагло кружила головы всем мальчишкам, а один из-за нее даже вены резал. Правда, на глазах у друзей и очень аккуратненько – «Скорая» его даже в больницу не забрала.

Саша над мамиными изысканиями только посмеялся. Но Ольга Петровна не успокоилась и вытащила на свет божий другую историю, еще хлеще.

Когда Кася работала медсестрой в частной психиатрической клинике, в нее влюбился пациент. Некрасивый и – ключевой момент! – совсем небогатый. Ходил за своим предметом вождения безмолвной тенью, умолял выйти за него замуж. Но Кася (а чего еще от корыстной особы ожидать) бессребреника вместе с его любовью послала.

И бедняга покончил с собой. Для Каси записку оставил – целую поэму, что они все равно будут вместе, только на небе. Ольге Петровне и предсмертное послание несчастного удалось прочитать – веяло от него могильным холодом.

Но Саша и тогда не забеспокоился. Заявил маме:

– Что ты хотела? У красивых девушек всегда много поклонников, и не всем им везет. А на небесный рай бедняга зря надеялся. Там Кася тоже будет со мной.

Как только могут достойные, умные, удивительные мужчины терять головы от подобных ничтожеств?

По счастью – когда первый, «медовый» год миновал, а Саша начал стремительно делать карьеру, пьедестал под богиней Касей слегка закачался.

Сын завел фан-клуб, с удовольствием общался с поклонницами, все чаще уезжал на съемки и позировал фотографам в обнимку со светскими львицами.

Кассандра продолжала стеречь дом и от скуки играла в теннис.

Но по-прежнему оставалась в роли официальной супруги, и Ольга Петровна не сомневалась: невестушка еще себя проявит. Взрастит из Александра абсолютную звезду, выведет на пик богатства и славы, а дальше – всадит нож в спину.

Так и случилось.

Кася

Как получилось, что она растеряла всех подруг и друзей? Несчастлива, одинока, под подозрением – а поддержать некому! Со всех сторон ощерились пики. Столько всего ужасного за один день! Обнаружить труп мужа. Выдержать тяжелый допрос. Перенести омерзительные вопли и обвинения свекрови. А на закуску – это жуткое тоу-шоу, где ей перемыли кости и фактически обвинили на всю страну.

Денису, партнеру по миксту, не позвонишь, не поплачешься – у Каси были к тому серьезные основания. Двоюродной сестре нельзя – вдруг менты ее телефон прослушивают?

С любимой подругой Лизой у них разлад, да что там – та ее просто послала.

Нинка (тоже ведь приятельницей считалась!) вообще телевизионщикам продала. А очень милый на вид журналист Полуянов фактически в убийстве обвинил. Какое он имел право приводить свою дурацкую статистику, если официальная версия Сашиной смерти – несчастный случай?!

«Может быть, – задумалась Кася, – прямо немедленно, с утра подать иск? На Могилева, его передачу и всех участников, кто посмел ее заочно обсуждать?»

Но нужен ведь адвокат хороший. Касю по всяким юридическим и житейским вопросам раньше всегда подружка Лиза консультировала. А у нее самой никаких полезных знакомых нет, да и боялась она судиться.

Девушка бестолково металась по первому этажу – садилась, вставала, открывала шторы, закрывала, пила воду. На второй этаж, откуда всего несколько часов назад увезли мертвого Сашу, подниматься не решалась. Дом казался гулким, зловещим – какие-то шорохи, скрипы. Вдруг душа мужа здесь? Очень хотелось сесть в машину и уехать отсюда куда глаза глядят!

Но опять упираемся в исходное: друзей – тех, кто готов посреди ночи принять, – у нее теперь нет. А гостиницы все закрыты – эпидемия, блин. Снова в Питер поехать? Но полицейские, хотя подписку не брали, сказали строго: из региона не отлучаться. Может, выпить? Нет, тогда еще страшнее будет.

Время давно перевалило за полночь, но о том, чтобы идти спать, Кася даже помыслить не могла. Только глаза закроешь – Сашкин дух сразу к ней явится.

Она в отчаянии обхватила себя руками – и тут, гулко и громко в пустом доме, зазвонил телефон. На определителе значилось – Вика. Сашин пресс-секретарь. Баба противная, но хоть с кем-то поговорить!

– Але! – торопливо произнесла Кася.

– Я к тебе еду. – Здороваться Виктория не стала.

– Зачем?

– Ты дура?

– Вика, не надо, пожалуйста. Мне и так тяжело.

– Нет, ты дура, – еще больше возвысила тон пиар-менеджер. – Почему ты мне не звонишь?

– А я должна?

– Конечно! Творится абсолютный беспредел, но тебе пофиг.

– Где беспредел?

– Сашину память на всю страну треплют, а ты даже не спрашиваешь, как это прекратить!

– Хорошо, – покорно сказала Кася. – Как мне это прекратить?

– Иди морду крась – слегка, по-вдовьему. И кофе мне свари. Я скоро буду.

Спустя час Кася сидела на неудобном барном стуле в кухне и говорила в камеру:

– Я глубоко возмущена тем, что устроили вчера на главном канале страны. Никто не имеет права обсуждать меня за спиной и тем более обвинять. Но гораздо больнее мне было слышать, как обвиняли Сашу, самого близкого мне человека. Мы с ним прожили четыре счастливых года. Не буду обманывать – иногда, как и во всех семьях, у нас случались размолвки. Но он никогда даже голос на меня не повысил, не прикрикнул. Это был добрый, интеллигентный, мягкий, прекрасно воспитанный человек...

Вика, снимавшая ее на телефон, скорчила горестное лицо, посплюнявила палец, провела им по щеке. Но Кася и без дурацких подсказок расплакалась, пробормотала:

– Извините.

Пресс-секретарь продолжала снимать, и вдова постаралась взять себя в руки.

– Я не знаю, откуда Нина взяла весь этот бред, будто Саша меня бил. Вот, у меня на щеке до сих пор остался синяк, я его не скрываю и раньше не пыталась скрыть. Но я всем говорила и еще раз повторяю: я упала на корте. Отрабатывала с теннисной пушкой укороченный удар и поскользнулась. Нина уверяет, будто мы всегда тренировались вместе, но это неправда! Накануне турнира я ездила на частный корт одна. Я делаю слишком большой замах, когда играю у сетки, и мне хотелось перед соревнованиями попробовать исправить этот пробел. И я вовсе не собиралась посвящать в свои планы Нину – мою соперницу по корту.

– Где именно этот частный корт? – спросила Виктория.

– Я не хочу говорить, у хозяина будут неприятности. Но полицейским я адрес сказала.

– Значит, неприятности уже будут, – заверила пресс-секретарь. – Так что говори.

– Ну, ладно. Это частный дом в поселке Чеверьково. Улица Заречная, десять.

– А теперь расскажи, что случилось год назад, когда у тебя тоже был синяк на лице, – потребовала Виктория.

– Мы с Сашей тогда только что поменяли лестницу в доме – была деревянная, а поставили чугунную. Ступеньки кованые, с завитушками. Я никак не могла к ней привыкнуть, все время спотыкалась. Саша даже сверялся с проектом, думал, может быть, высота ступенек неправильная или перила не на том уровне. Но все оказалось нормально, просто я такая нескладная. А однажды я решила подняться на второй этаж в туфлях на каблуках, зацепилась... ну, и упала.

– Кто-то видел, как ты упала?

– Нет, только Саша.

– Оступилась и упала с лестницы – какое банальное объяснение. Может, ты его все-таки покрываешь? – Вика показала рукой: мол, давай, возмущайся активней.

И Кася – как могла внушительно – отозвалась:

– Я повторю. В России лояльны к мужчинам, которые распускают руки. Но и в нашей стране есть люди, для кого ударить женщину – немыслимо. Саша был именно таким. Даже если бы я его оскорбила, обманула, предала – он бы просто ушел, но никогда бы меня и пальцем не тронул.

– Но твоему партнеру по теннису Саша врезал, – усмехнулась Вика.

– Мужчины могут драться между собой. Это нормально, – твердо произнесла Кася.

– Кася, ты смотрела передачу Могилева?

– Да, смотрела и хочу сказать, что все в ней – от первого до последнего слова – просто домыслы или откровенная ложь. Я буду подавать в суд – лично на Могилева. И еще... на некоторых участников.

– А как ты сама ответишь на вопрос, который Могилев задавал всем героям? – спросила Вика. – Кто убил твоего мужа?

Кася снова зашмыгала носом, смахнула с лица слезы и пробормотала:

– Извините... Я... я не знаю, что случилось. Но лицо у Саши было спокойное... почти счастливое... И в ванной полный порядок... Не знаю, не знаю!

Она снова заплакала.

А Вика выключила, наконец, телефон и снисходительно похвалила:

– Молодец. Все натуральненько. Прямо сейчас в сеть выложу.

* * *

Дима прослушал Касину речь раз, потом еще. Надя тихо отлучилась на кухню, вернулась с кофе, подала ему чашку и уселась рядом. Она тоже не сводила глаз с экрана компьютера.

– Все вроде складно, но фальшивит, нюхом чую, – пробормотал наконец Дима.

– Думаешь, просто защищает его? О покойных или хорошо, или ничего?

– Не могу понять, но где-то она врет. Камеру не обманешь.

Полуянов залпом допил кофе. Надя доложила:

– В Интернете появилась причина смерти.

– Ну?

– Утонул. Следов борьбы нет. Телесных повреждений и асфиксии нет. Видимых признаков алкогольного опьянения или отравления нет. Я сразу вспомнила вчерашнего актера... как его там? Неужели правда: если в ванной резко дернуть за ноги – будет выглядеть, будто человек просто утонул?

– Именно так. Это классика уголовного права. Смерть представляется полностью естественной. Дело Джорджа Смита. Англия, 1915 год. Его осудили только потому, что зарвался. Утопил в ванной первую жену. Повторил тот же трюк со второй. Потом с третьей.

– Я тоже читала! – вспомнила Надя. – Там еще как-то ловко все доказали...

– Да. Эксперт Бернард Спирслсбери уложил в ванну профессиональную пловчиху и велел ей быть ко всему готовой. Двое дюжих мужчин попытались ее утопить, но ничего поделать не смогли – она активно сопротивлялась. Но когда ее неожиданно дернули за ноги, женщина камнем ушла под воду и сразу потеряла сознание. Ее откачивали полчаса. Она потом рассказывала: помнит только, как вода хлынула ей в ноздри.

– Дим, откуда ты все знаешь?

– А я на заре карьеры про последователя этого Смита писал. Нашего, российского, из Таганрога. Того мужика, правда, посадили безо всяких следственных экспериментов.

– А как доказали?

– Сам другу похвастался, что смог избавиться от надоевшей жены.

– Не верю, что спортивный парень Бардин не успел среагировать на нападение.

– Ну, у него ведь ритуал. Что он там в ванной делал? Музыку слушал, медитировал? Если человек лежит с закрытыми глазами и уверен, что один дома – конечно, его можно подловить. Кому угодно, хоть крошке Касе.

– А просто заснуть и утонуть в ванне можно?

– В конце марта на севере Москвы был случай: парень, электромонтажник, тридцать лет, принимал ванну и захлебнулся. Но он к моменту смерти беспробудно пил две недели подряд. Начал сразу, как самоизоляцию объявили.

– В Интернете написано: видимых признаков опьянения нет.

– Видимые признаки – ерунда. Нужно химико-токсикологическое исследование крови делать, а это минимум неделя.

Дима задумался и снова что-то черкнул в блокноте.

Взглянув на Надю, он констатировал:

– Не хотела ты, чтоб я про семейное насилие писал, но никуда не деться. Тема сама нашла. Как там наши соседи, кстати?

– Сегодня утром навещала. Девушка лежит, парень вокруг бегает: компрессики холодные, сок свежавыжатый. Она на него влюбленными глазами смотрит. И прямо гордой выглядит: как заботятся о ней! Капризничает: «Милый! Чай слишком сладкий! Сделай другой!»

– Не понимаю.

– Я тоже не понимаю. Но, похоже, в России многие так живут.

* * *

Главному редактору Димина задумка понравилась. Он напутствовал:

– Да, сделай. Не просто о смерти актера, но цельный, остросоциальный очерк. Домашнее насилие освети, бытовое пьянство. Только мэра ради бога не трогай.

– Это уж как получится, – сухо отозвался Дима.

И немедленно взялся за телефон.

К двум часам дня успел сделать массу звонков. Знакомых в полиции у него имелось немало, но сейчас ситуация сильно осложнялась карантином, а также тем фактом, что смерть актера произошла не в Москве, а в области. В результате сложной многоходовки с участием его старого друга Савельева Дима смог раздобыть номер дежурного следователя, выезжавшего на труп.

Тот долго блял, что комментариев не дает. Встретаться – под предлогом пресловутого карантина – категорически отказался. Но кое-что Полуянов вытянуть смог.

Актер погиб вечером двадцать шестого апреля. Время смерти – около двадцати двух часов. Предварительная причина – утопление.

Кася в этот день отбыла на скоростном поезде «Кондор» в Питер. Получила на госуслугах пропуск «в иных целях», местом назначения указала Северную столицу. Поезд отправился в девятнадцать ноль-ноль, прибыл на Московский вокзал в двадцать два сорок пять.

Из города на Неве она вернулась на следующий день, двадцать седьмого, – на самолете. Вылет в двенадцать двадцать, в Шереметьево приземлились в половине второго. Взяла такси, сразу поехала домой. На звонок в дверь реакции не последовало. Кася отперла дом своим ключом и начала звать мужа. Он не отзывался. Жена поднялась на второй этаж, заглянула в ванную – и обнаружила тело.

Естественно, сразу возник вопрос: зачем она отправилась в Санкт-Петербург, в разгар пандемии, фактически только на вечер и ночь?

Решила навестить двоюродную сестру. Девушки (почти ровесницы) часто ездили в гости друг к другу.

Сестру опросили, и та подтвердила: супруга Бардина действительно приезжала, ужинала, ночевала у нее, а утром уехала в аэропорт.

Странно, что Кася отсутствовала в городе точно в вечер смерти супруга. Но против билетов туда/обратно и показаний свидетеля не попрешь, сказал ему следователь. К тому же выглядела смерть Александра как несчастный случай.

– Но мы проводим тщательную проверку, – тусклым голосом заверил он.

Это хорошо, что следователь вялый.

Дима – в пику ему – собирался действовать быстро и энергично.

Поцеловал Надюшку, вбил в навигатор деревню Чеверьково Мытищинского района и отправился туда.

* * *

Когда Ваграм строил на собственном участке крытый теннисный корт, не сомневался: это золотое дно. Сын у него тогда мечтал Уимблдон выиграть. Тренировался шесть раз в неделю, за спортивную школу деньги уходили немислимые, «пробки» много часов съедали. Куда выгоднее, решил отец, перекупить тренера, поселить его во флигеле, кормить-холить-обхаживать да тренироваться индивидуально. В любое время и в любую погоду.

Но, как мудрость народная говорит, колокольчик слаще звенит только издали.

Тренер у сына когда-то в звездах ходил, со сборной по заграницам раскатывал. И на занятиях в спортивной школе на него любо-дорого было смотреть: мячи спортсменам накидывал с такой скоростью, что не разглядеть, «заряжал» детей, взбадривал, тактику строил.

Не придал тогда Ваграм значения, что бегают наставник с трудом – колени больные. И что нет в его глазах огонька, а куда чаще светятся усталость и безразличие.

Когда крытый корт был достроен, тренер, как обещал, уволился из спортшколы, переехал к Ваграму во флигель. Но вместо нирваны все пошло наперекосяк. Сын ноет: просто мяч перекидывать скучно, поболтать в перерывах не с кем, девчонок нет. Вредничать начал – вместо того чтоб на ракетку тренеру играть, все время старался по углам или под сетку заколотить. Тот или пропускал, или пытался бежать – а потом охал, колени еще больше болели. Ругался на парня: «Ты не мне, ты на турнирах забивай!» Но на соревнованиях у отпрыска дела совсем плохо шли. Наставник объяснил: потому, что игровой практики нет. Ваграму пришлось много времени тратить, спарринг-партнеров искать – чтобы приехали поиграть с его сыном. Но приличные спортсмены тащиться за город не хотели, а лопухов сын обыгрывал и еще больше зазнавался.

Ваграм тогда решил по-другому. Купил за сумасшедшие деньги теннисную пушку – чтоб все-таки вынудить сына бегать по углам. Любой будущий Федерер бы радовался, а отпрыск ворчал: «Не хочу с механизмом играть!» Два мяча догонял, к третьему не успевал. На турнирах стал вылетать в первом круге. А потом совсем взбрыкнул – и послал папу вместе с его теннисом далеко и надолго. Тренер решение подопечного поддержал, объявил, что чемпиона из

парня все равно не получится и из флигеля с удовольствием съехал.

Ребенок теперь сутками сидел за компьютером, а Ваграм, чтобы не пропадало добро, начал сдавать корт спортсменам-любителям. Желающих негусто (поблизости располагалось несколько клубов), но хотя бы расходы на эксплуатацию покрывал.

Впрочем, жена все равно ворчала: участка, считай, нету, только узенькая тропинка. Подбивала снести спортивное сооружение, сделать, как у людей – садик, огородик, террасу.

Но тут – кто мог предвидеть! – грянул карантин. И начались у Ваграма золотые времена. Вся страна дома сидит, на безденежье плачется, а у него клиенты – почитай, круглые сутки. С шести утра до полуночи все время расписано. Не просто любители или начинающие спортсмены – сборная, во главе с наставниками, приезжала тренироваться!

Пару раз случались со стороны районной администрации наезды: режим самоизоляции нарушает, незаконную деятельность ведет. Но Ваграм на свет не вчера родился. Проверяющих подмазал, всех клиентов предупредил: вы, мол, родственники мои. Дезинфекторы завел, обязательство взял: после каждого игрока на корте полная санитарная обработка.

Но по факту если ежечасно намыwać – играть некогда будет. Поэтому уборщица приходила только раз в день, в обед. Видеонаблюдение Ваграм – чисто на всякий случай – с корта убрал, чтоб никакой такой надзор не потребовал просмотреть, не придрался. Да и эксцессов в его теннисном клубе сроду не случалось.

И только двадцать четвертого апреля – в мерзкий денек, когда дождь мешался со снегом, – Ваграм пожалел, что видеочамера не работала. Но кто предположить мог?

График тренировок был, как всегда во время пандемии, плотный. С раннего утра сборная, с одиннадцати до трех дети попроще – ушлый тренер из местных выкупил оптом четыре часа, набивал на корт по восемь человек. С четырех до шести сох [4 - Необходимое определение русских армянами.], известный актер из соседнего поселка Александр, арендовал корт для своей жены. Дальше любители записались пару играть. Потом – еще несколько тренировок.

Ваграм с клиентами обычно сам крутился. И людям приятно, и приработок – воду продавал, мячики, обмотки менял на ракетках, мешки с мусором выносил. Новеньким показывал, где машину поставить, чтоб не светиться. То и дело на улицу выглядывал – чтоб не дай бог «маски-шоу» не пропустить.

В обед приходила уборщица, мыла полы. Но в этот злосчастный день Ваграму с утра позвонила новая клиентка. Сослалась на давних знакомых, горячо умоляла найти ей хотя бы часок.

– Нету, дорогая, все на неделю расписано!

Но ахчик [5 - Девушка, женщина (арм.)] не сдавалась, пищала тоненьким, словно зурна поет, голоском:

– Ну, пожааалуйста, тууурнир играю, а я сооовсем форму потерялааа.

Про нелегальные теннисные соревнования Ваграм знал – сам бы провел, да с единственным кортом невыгодно. И вошел в положение. Взял со сладкоголосой повышенный тариф и разрешил приехать в три. А уборщицу на сегодня вообще отменил. Тройная получилась выгода.

Новенькую ахчик видел мельком – та сразу побежала на корт, времени-то всего час, не хотела терять. Ваграм разок заглянул: работает, носится из угла в угол. Теннисную пушку почти в максимальный режим поставила. И фигура хорошая, справная. На Серену Уильямс чем-то похожа. Он хотел поболтать с красавицей после тренировки – опять не вышло, ахчик еще куда-то спешила, даже закончила пораньше.

Ну, а дальше случился – впервые в истории его подпольного клуба – скандал. Началось все с того, что актер из соседнего поселка приехал вместе с женой – хотя обычно его супруга справлялась сама.

Ваграм сладко улыбнулся:

– Саша, тоже в теннис будешь теперь играть?

Тот буркнул:

– Нет. Кася на твою пушку жалуется – половину тренировки ее настраивать приходится.

Теннисная пушка и женщины – это, по правде говоря, не всегда совместимо. Одни хорошо справлялись, а у Каси вечно то зависало, то скорость выставлялась сумасшедшая, то мячи под потолок летели. Но брать главу семьи, да еще артиста известного себе в прислугу – это хамство, конечно. Впрочем, русские мужики сами своих баб распустили.

Ваграм проводил Касю в теннисной форме и ее мужа (тот просто переобулся в кроссовки) на корт. Убедился, что мусора в ведре нет, а теннисная пушка исправно работает, и побежал домой – надо, наконец, пообедать.

Но едва успел поднести ко рту первую ложку своего любимого ддмапура [6 - Популярный армянский суп из мяса, нута и тыквы.], как в столовую заглянула жена и сказала с тревогой:

– На корте случилось что-то. Женщина плачет, заходится.

Он отставил еду, помчался прямо в тапках – и ошалел. Кася рыдала на скамейке, зажимала лицо ладошками, меж пальцев пробивались струйки крови. Саша бестолково лил воду из бутылки на полотенце.

– Что случилось? – ахнул Ваграм.

– Я упала, – поспешно отозвалась Кася и отняла руки от лица.

Ваграму поплохело: обе губы разбиты, на скуле кожа ссажена, под глазом кровоподтек.

– Как вы упали? Где?

Актер с растерянным видом произнес:

– Она с лету играла. Короткие удары.

– Укороченные, – машинально поправил хозяин кортов.

– Мяч летел неудобно, она к нему потянулась, не удержала равновесие и упала. Прямо через сетку лицом на корт.

– Да. Так и было, – поспешно подтвердила девушка. – У меня... нога будто на чем-то поехала...

– Как она могла поехать? Это ведь не грунт, – возразил Ваграм.

– Не знаю. Мне показалось, я поскользнулась.

– Раз говорит, что поскользнулась, значит, что-то там разлито было, – сердито сказал артист.

– Надо смотреть, – нахмурился Ваграм и двинул на корт.

– Лучше принесите лед, – жалобно попросила Кася. – У меня фингал будет!

– Ляг, ляг пока на лавку. Я тебе мокрое полотенце приложу, – суетился Александр.

Она послушалась, начала ложиться и застонала:

– Ой, голова кружится. Вдруг у меня сотрясение?

– Пока просто ляг, – слегка повысил голос Бардин, – станет хуже – врача вызовем.

Пока артист неумело возился с компрессом, Ваграм вышел к сетке, пригляделся – лужица, уже растоптанная. Пощупал пальцем, понюхал – обычная вода.

Он спросил:

– Вы пили на корте?

– Конечно, нет! – жалобным голосом возмутилась Кася.

«Может, ахчик предыдущая разлила?» – задумался Ваграм.

А Бардин (тоже мне, сосед!) зло спросил:

– Или в здании крыша течет? А вы не следите?!

– Нет, нет! – поспешно отозвался хозяин. – Ничего не течет. И воды тут нет. Мне просто показалось!

Александр зловеще сказал:

– Нет уж. Я посмотрю.

Но лужица – совсем небольшая. Пока артист шел, Ваграм незаметно размазал ее подошвой тапки, и Александр ничего не заметил.

* * *

Через два дня поздно вечером, когда Ваграм еле живой после очередного трудового дня пил мацун [7 - Армянский безалкогольный напиток, аналог кефира.] в кухне, жена закричала:

– Им кянк [8 - Жизнь моя (арм.).], иди сюда скорее!

Он прибежал на второй этаж, к телевизору – а там как раз лицо Каси на весь экран, с распухшими губами и разбитой скулой. Точно в таком виде с его корта и уходила.

– Почему она там? – потребовал он ответа у жены.

– Муж у нее мертвый.

– Саша? Бардин?

– Да, сегодня нашли. В ванне утонул.

– А Касю почему показывают?

– Вроде бил он ее.

Ваграм охнул, сел рядом и досмотрел передачу. На чирикание жены не отвечал, думал над стратегией. Коли по телевизору Касины синяки показали – значит, и к нему пожалуют. Что отвечать? Надо сразу решить, как выгодней будет.

Кася на его корт приезжала, в общей сложности, раз двадцать. Раньше – пару раз в месяц, на карантине чаще. Как мужчина он к ней никогда не приглядывался – не выносил тощих дев. Но очевидное замечал. С год назад уже на ее лице фингал видел. Даже из вежливости поинтересовался, что случилось.

– Лестница у нас новая. Упала, – ответила Кася и покраснела.

Ваграм больше не расспрашивал. И так ясно: муж врезал.

А вот что на его корте позавчера случилось?

По виду: актер опять ей влепил. Она его покрывала, правда. Да и Саша гневался, уверял: воду кто-то разлил или крыша течет.

В любом случае – решил Ваграм, – если кто спросит, про воду на корте молчать надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подробнее читайте об этом в романе А. и С. Литвиновых «Отпуск на тот свет».

2

Данте Алигьери, «Божественная комедия».

3

Юдит Полгар – обладательница выдающегося интеллекта, в пятнадцать лет получила звание гроссмейстера, считается лучшей шахматисткой в мире.

4

Необидное определение русских армянами.

5

Девушка, женщина (арм.).

6

Популярный армянский суп из мяса, нута и тыквы.

7

Армянский безалкогольный напиток, аналог кефира.

8

Жизнь моя (арм.).

Купить: https://tellnovel.com/litvinovy_anna-i-sergey/ostan-sya-doma-i-strelyay

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)